

А н д р е й   Г р и ц м а н

« П Р Е Ж Д Е В Р Е М Е Н Н О Е   П О Г Р Е Б Е Н И Е »

В с т р е ч и   с   Э д г а р о м   П о

Эта встреча произошла случайно. Хотя в наших странных областях ничего случайного не бывает. Да, да, это была встреча с самим Эдгаром Алланом По. С детства я жил в его мире. Так что не удивительно, что в конце концов мы встретились. Как и через кого — это неважно, и даже не стоит углубляться в подробности, в которые все равно никто не поверит. Вообще, я давно слышал, что в нашем районе, Upper West Side Манхэттена, он иногда появляется. Наверное, чтобы навестить родные места, посидеть и посмотреть на Гудзон из своего любимого уголка в Риверсайд-парке. Сам он назвал это место Mount Tom — скальное образование в парке на пересечении Риверсайд-драйв и 83-й улицы. Когда-то он сидел там часами, глядя на панораму нижней долины Гудзона. Sublime — так он называл эту перспективу. Это было совсем рядом с фермерским домиком, где он жил у четы Бреннанов и где были написаны знаменитые «Ворон» и «Преждевременное погребение». Может быть, его тянет в эти места что-то еще дописать? Скорее всего, он и сам не знает. Как, впрочем, и Herr Kafka, который не всегда знал, куда заведет его собственная история.

То, что Эдгар написал эти вещи именно здесь, меня ничуть не удивляет, потому как в долине Гудзона ветер создает шумы и заполняет пространство удивительными явлениями. И в наше время гудзонский ветер то пытается унести человека куда-то вдаль, то вырывает с корнем вековые деревья, а то шепчет и шелестит что-то на непонятном никому языке.

На Риверсайд-драйв мы и встретились, примерно на том месте, где стоял его домик. Увы, «Кафе Эдгар» на 84-й улице, сводчатое темное помещение в «предвоенном» доме начала двадцатого века, давно перенесли на Амстердам-авеню. Хоть и недалеко, но все-таки уже не то.

Мы сели за столик, и Эдгар (в интересах краткости я предпочту так называть великого маэстро) с интересом, но бегло взглянул на свой портрет на стене. Я спросил амонтильядо, и испаноязычная девушка принесла вполне приличный вариант этого старинного напитка. Эдгар попробовал, но предпочел выпить чего-то покрепче. Я предложил «Гленливет», но он сказал, что любит наши родные местные напитки, — и заказал виски из Кентукки. Без льда. Мэтр спросил, нельзя ли послать за опиумом. Я ответил, что это совершенно невозможно, да и нежелательно. Кокаин и героин доступны, но не здесь, и я также весьма не рекомендую пускаться на их поиски. Мэтр недовольно пробормотал: «Во что превратился город!»

В этот момент в кафе вошли три дамы — ашпервестайдские тетки с пластихирургическими осками и сумками «Прада», — обменяться новостями. Эдгар вдруг встал и, не смущаясь, принялся громко читать своего «Ворона». Дело в том, что по опубликовании этого невероятного стихотворения он стал очень популярен в Нью-Йорке и дамы высшего света постоянно просили его читать «Ворона» в разных общественных местах. Весь Нью-Йорк тогда грозно повторял: «Nevermore!»

Дамы поставили на столик свои просекко и тревожно глянули на странного усатого господина, одетого в черное, подозрительно похожего на портрет на стене кафе. Тут одна из них вспомнила, что проходила курс американской классики в колледже Wesleyan, когда он был еще частью обязательной программы и не был задвинут, как ныне, на заднее факультативное место при корректировании и осовременивании программ курса Humanities. Мне удалось отвлечь мэтра ценами в меню на столе и усадить на место.

В эту минуту в кафе зашел полицейский — officer Gonzalez, о чем извещал именной знак на его форме, — и оглядел происходящее. Я успокоил его кивком: мол, все в порядке, — и предложил мэтру повторить Maker's Mark. Тут рация заговорила, и пуэрториканец заспешил прочь.

После следующего глотка, как водится, разговор потек живее. Эдгар разгорячился и заявил, что никто никогда не понимал, что знаменитый «Ворон» основан на реальном происшествии, как и все, что он писал! А построен он по совершенно математическому принципу. Я согласно кивнул и предложил мэтру ознакомиться с тем, что о нем писали русские.

И перевел ему цитату из Мандельштама: «Россия — не Америка, к нам нет филологического ввозу; не прорастет у нас диковинный поэт, вроде Эдгара По, как дерево от пальмовой косточки, переплывшей океан с пароходом».

Эта идея ему понравилась, и тогда я осмелился показать ему перевод «Мы напряженного молчания не выносим...»: «О доме Эшеров Эдгара пела арфа. Безумный воду пил, очнулся и умолк». Я был горд достигнутым эффектом — Эдгару понравился Мандельштам!

Однако к словам русского классика об Уитмене: «Америка лучше этой, пока что умопостигаемой, Европы. Америка, растратив свой филологический запас, вывезенный из Европы, как бы ошалела, и призадумалась — и вдруг завела свою собственную филологию, откуда-то выкопала Уитмена, и он, как новый Адам, стал давать имена вещам, дал образец первобытной, номенклатурной поэзии, под стать самому Гомеру», — По отнесся скептически. «Уитмен! Поверхностное описание внешнего мира! Что у него внутри? Что за описание природы, анатомии? Боится заглянуть глубже, на темное дно души!»

Я вспомнил, что По встречался с Уитменом в Нью-Йорке — в редакции, куда он принес одно из своих эссе. По свидетельствам очевидцев, По вел себя вежливо и отстраненно. Говорили, что он, прожив несколько лет в Ричмонде, умел превращаться в «джентльмена с Юга». Сказывались и юные годы, проведенные в Лондоне. Я попытался расспросить Эдгара о встрече двух гигантов, но мэтр не проявил к этому эпизоду никакого интереса. Зато возбудился от стихотворения Блока «Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный...», «Она — все та ж: Линор безумного Эдгара. Возврата нет». Особенно ему понравилось: «It's time to come to terms with fate's genius, Sir»¹. Его нисколько не смутило и не обидело определение «безумный». Что, впрочем, меня не удивило.

Оставив Уитмена в покое, я заказал «Джек Дэниэлс» и спросил Эдгара о других великих. Я, собственно, знал, что это опасная тема, но не мог удержаться. Он неопределенно пожал плечами по поводу Уолдо Эмерсона, зато заинтересовался новым сортом бурбона. Как и ожидалось, разразился бранью по поводу Лонгфелло — «плагиатор, дешевый музыкант» и тому подобное. Я,

¹ Пришло время смириться с гением судьбы, сэр. (англ.)

естественно, не стал показывать мэтру страницы из «Западного канона» Гарольда Блума, где он поносит По. Наверняка мэтр заявил бы что-нибудь в этом духе: «Educated superficial raconteur! Full of himself!»² Все знает, но совершенно не видит третьего темного плана отчаяния в поэзии. Сухой судебный эксперт. Убийство на улице Морг!» Ну, и так далее.

На минуту я представил, как Эдгар Аллан По замуровывает в подземной пещере Лонгфелло вместе с Гарольдом Блумом. Я бы мог посоветовать добавить туда же еще несколько кандидатов — литературных фигур, но сдержался и быстро отогнал эту мысль, поскольку с мистером По ведь никогда не знаешь, что фантазия, а что реальность.

Вечерело. Дамы с сумками «Прада» допили свой просекко, надели маски с модными аппликациями a la Pelosi и выпорхнули на сумеречную Амстердам-авеню. Мы расстались с Эдгаром, договорившись встретиться там же, у горы Тома на Риверсайд, через несколько дней.

Все это время я пытался организовать публичное выступление Эдгара По в Нью-Йорке. Когда я осторожно предложил ему это, его, как и следовало ожидать, особенно заинтересовал гонорар, но я уклонился от ответа, поскольку пересчитывать суммы в машине времени было совершенно невозможно.

Я пробовал устроить вечер через знакомых в культурном центре на 92-й улице и в New School, в Колумбийском университете, но тщетно. Все мои знакомые, именитые поэты и профессора, в один голос шептали, что теперь это совершенно невозможно: мистер По, кем бы он ни был, не афроамериканец, не гей, хирургически не изменял пола и, на худой конец, даже не женщина. В ответ я напоминал им, что мистер По был известен тем, что в состоянии сильного опьянения иногда бродил по улицам в чужой одежде, что позволяет квалифицировать его как трансвестита. На это мне на полном серьезе отвечали, что хоть он и переодевался в чужую одежду, но того же пола! Вот если бы в одежду другого «гендера», то можно было бы еще поставить вопрос на совете директоров. А так ни студенческий, ни академический совет никогда не пропустят эту кандидатуру, да еще и с клеймом «джентльмена с Юга»! Да еще и за гонорар из специальных фондов, что в конечном ито-

²Образованный поверхностный рассказчик! Занят собой. (англ.)

ге — деньги американских налогоплательщиков! Кроме того, я не был полностью уверен, что все теперешние члены этих советов вполне отдавали себе отчет, кем был мистер Эдгар Аллан По.

Я позвонил знакомому профессору Колумбийского университета, известному литератору-слависту Марку Липовецкому, но там как раз проходила славистская конференция по Пригову, так что, ясное дело, было не до Эдгара По!

Что мне все-таки удалось, так это через видного американского поэта и основателя Best American Poetry Дэвида Лимана, моего давнего хорошего знакомого, организовать встречу с самим Дэвидом Ремником, главным редактором «Нью-Йоркера»! С возможной публикацией в самом «Нью-Йоркере»! Из этого предприятия, к сожалению, тоже ничего не вышло. Ремник долго ждал мистера По, который в конце концов появился, но совершенно пьяный и явно в чужой одежде и, как говорится в русском поэтическом каноне, лыка не вязал. Так что мэтра пришлось тут же увести, чтобы секьюрити не вызвало наряд NYPD. Боюсь, Эдгар, отнюдь не знакомый с сегодняшним протоколом нью-йоркской полиции, не был готов провести беспокойную ночь в «накопителе» полицейского отделения. Хотя в этом плане классика мировой литературы мало что могло удивить.

В предварительной беседе, когда я пытался подготовить Эдгара к встрече в великом «Нью-Йоркере», на него, понятное дело, не произвело ни малейшего впечатления, что туда благоговейно захаживали и торжественно пили чай и Филип Рот, и Джон Апдайк, и даже сам Бродский. Мысли мэтра витали где-то далеко, куда и заглядывать не хотелось.

Однако он проявил большой интерес к посещению своего коттеджа в Бронксе, в его времена — Old Fordham Village. Я сказал ему, что коттедж все еще существует, хотя и в восстановленной форме, и даже кровать, на которой скончалась от туберкулеза бедная его жена Вирджиния, по-прежнему стоит на своем месте. И знаменитая колокольня (из стихотворения The Bells) существует в кампусе университета Fordham под именем Old Edgar. Эдгар разволновался и, отхлебнув полстакана бурбона, спросил, что же случилось с коттеджем. Я уклончиво отвечал, что район Бронкса очень изменился, в конце шестидесятых прошлого века там были мятежи и полрайона сожгли, а сам коттедж несколько раз грабили и громи-

ли. Объяснить ему все это было сложно, в его времена Бронкс был идиллическим местом, — и я постарался испытанным способом отвлечь мэтра от этой страницы истории.

Все же мы поехали в Бронкс. Эдгар долго стоял у коттеджа. Ему понравилось, что домик окружен старинными деревьями и в нем даже открыт музей. Узнав, что плата за вход составляет целых пять долларов, поэт разволновался.

Во время нашей поездки в Бронкс я осмелился спросить про его кончину. Эдгара По, как известно, нашли в канаве у гавани в Балтиморе в чужой одежде после посещения припортовых таверн. Эдгар помрачнел и глухо спросил, знаю ли я, что такое припортовые таверны Балтимора времен сороковых годов XIX века и кто их посещает. Я, понятное дело, не имел об этом ни малейшего представления и не особо рвался там побывать. Он, со своей стороны, не стал вдаваться подробности.

Вдруг, задумавшись, он проговорил: «Послушайте, границы, разделяющие Жизнь и Смерть, в лучшем случае неопределенны и темны. Кто может сказать, где кончается одна и начинается другая. Серебряная нить не потеряна навсегда, и золотой кубок не разбит. Но где пребывает душа в это время?» И странно посмотрел на меня. Тут я сообразил, что мэтр цитирует себя самого, из «Преждевременного погребения». Откровенно говоря, вопрос о местоположении души в момент перехода меня волновал давно.

Где мэтр обитал эти несколько дней между нашими встречами, непонятно, хотя я и предлагал остановиться у меня на Риверсайд-драйв, в нескольких кварталах от его давнего жилья и от горы Тома. Он, очевидно, все еще помнил какие-то только ему известные места.

По изъявил желание навестить Вест-Пойнт, где он провел несколько памятных месяцев и был дружен с несколькими кадетами, которые, собрав средства, помогли ему с первыми публикациями. Известно, что Эдгар был вполне успешен в армии и даже получал повышения по званию. Но алкоголь и непредсказуемое поведение быстро положили конец военной карьере.

Я сказал, что у меня есть автомобиль. Это его несказанно удивило, и мы договорились о встрече. Я с нетерпением предвкушал поездку по моей любимой дороге вдоль Гудзона на север — кра-

сивейшие места со старинными городками, утопающими в листве деревьев, сохранившимися со времен По.

Но этого не случилось. Я прождал на Риверсайд у горы Тома довольно долго, однако мэтр так и не появился. Оказалось, что посещение Бронкса и было нашей последней встречей.

Когда мы прощались, я ожидал, что он пойдет по Риверсайд на юг к гавани в только ему известные таверны и уголки. Или на север, к мосту Джорджа Вашингтона, и далее к Бронксу, к родным местам, к Вирджинии. Но он неожиданно попросил вывести его на Бродвей, к ближайшей станции метро. В этот момент я понял, что весь нью-йоркский сабвей напоминает глубокие фантазии Эдгара. Он не дожид до него каких-то полвека и вполне мог бы застать одну из первых линий, ведущих на север, в Бронкс, в его родные места.

Я проводил По до входа в подземную станцию у Gotham Liquors, сунул ему фляжку бурбона и свою карточку метро. У входа он пробормотал на прощанье: «Lord help my poor soul» — и нырнул в пасть 94-й станции.

